ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Терехина М.И.

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
ГОУ ВО «ОГУ», г. Орск

Обширные исследования в области науки и ее языка дали толчок к исследованию речевой деятельности. Увеличивается роль и значение когнитивной коммуникации между научными сообществами в процессах создания, оценки и проверки различных единиц научного знания. Все это тесно связано с такими центральными вопросами теории познания, как проблема истины и ее типология, проблема значения языковых знаков.

Поэтому в настоящее время все более актуальны две позиции: «человек – мир» и «говорящий – адресат». В связи с этим исследуются вопросы, связанные с наименованием говорящего и слушающего, с ситуативным и социальным контекстом общения, то есть с окружением, способствующим правильной интерпретации предложений, а также структуре самого речевого акта.

Современная речевая практика показывает, что коммуниканты пользуются косвенными предложениями ничуть не реже, чем «прямыми», то есть случаи подмены одного речевого акта другим распространены весьма широко. Такое частотное употребление данных предложений связано с тем, что говорящий хочет подчеркнуть, что его мнение является субъективным, и он не претендует на то, чтобы люди обязательно его разделяли. Обычно в процессе коммуникации или во внутренней речи пропозициональная установка (Я думаю (считаю)) опускается, то есть составляет имплицитный компонент высказывания.

Речевое событие может рассматриваться как простая констатация речи: Он сказал..., Он произнес речь, или как артикуляторно-физический акт, обычно описываемый дескриптивными словами и выражениями: Он воскликнул, прошептал, сказал с волнением в голосе, простонал и проч. Сообщение о речевом акте затрагивает в этих случаях только его формальную сторону.

В том случае, когда в фокус сообщения о речевом событии попадают его содержательные аспекты, контекст сообщения следует считать интенциональным, поскольку в речевом явлении раскрываются «незримые» черты, относящиеся к области сознания коммуникантов. Именно применительно к интенциональному контексту рассматриваются понятие интерпретации и те языковые средства (глаголы, имена и проч.), которые ее осуществляют.

«Прямые» предложения не относятся к результатам интеллектуальной деятельности. То, что некто сказал или подумал нечто, может быть фактом, но этот факт никоим образом не тождественен принятому мнению или сделанному утверждению. Более того, можно иметь мнение об этом или о любом другом объекте, но то, что является объектом мнения, не относится к предмету как таковому; оно может соответствовать или удовлетворять фактам. Наконец, существуют ложные мнения и ложные утверждения, приблизительные мнения, но не могут существовать ложные объекты, предметы.

Мнение в силу сказанного не может быть определено только в терминах фактов, которые они представляют. Так, два человека (или даже один и тот же человек) могут иметь два различных, но одинаково истинных мнения, представляющих какой-либо предмет, относящийся к некоторому лицу. Более того, даже будучи в согласии друг с другом, имея один и тот же объект, мнения могут не совпадать в деталях. И поэтому, пересказывая чужие мнения необходимо сохранять все их элементы в точности. Следует сказать: «Он считает, что А есть В»; недостаточно (и поэтому невозможно) сказать: «Он считает, что/ есть А».

В прямых (фактивных) контекстах подобные изменения вполне допустимы, ср.: «Он выяснил, кто сделал это». «То, как он салютовал флангу, вызвало скандал» и т. п. Причина допустимости подобных изменений заключается в том, что в этих случаях мы говорим об объектах, фактах как таковых, которые существуют сами по себе, даны объективно. Но говоря «Он считает, что Р», мы описываем интеллектуальное состояние определенного человека.

Различие касается также речевого поведения адресата. Оно связано с тем, что распространение знаний и понимания фактов происходит в интересах адресата, а распространение мнений – в интересах субъекта. При объяснениях адресат является союзником говорящего, он хочет понять то, что говорящий старается сделать для него понятным [1].

Из вышесказанного следует, что у предложений мнения (пропозициональных установок) должно быть обязательное наличие субъекта и суждения, пропозиции: Я полагаю (думаю), что р.

Пропозициональные установки обладают валентностью на обоснование суждения, мнения: Опираясь на опытные данные, полагаю, что этот материал прочен или Вижу, что ты мне не поможешь? – Почему ты так думаешь? [2]. Такие предложения, как Я вижу дом, принимаются в общем случае как достоверные. Они не обосновываются.

Необходимость в употреблении выражений мнения, как указывалось выше, вытекает из апелляции к личным знаниям, мнениям, опыту и т. д. В их создании соучаствуют операции рассудка, ощущения, впечатления. Из этого следует, что любое утверждение о мире предполагает определенный контекст мнения, показывает важность и сложность анализа предложений мнения и необходимость учета при этом различных психологических компонентов. Поэтому к ним неприменим экстенциональный подход.

Интенциональный характер возникает и в тех предложениях, главная часть которых выражает некоторое отношение к тому, что названо в придаточном (уверенность, сомнение, желание и т. п.), вследствие чего придаточное представляет уже модальную (диктальную) часть высказывания: в нем лишь названо событие, отношение к которому задано в главной части [3].

Особенность ментальных предикатов состоит в том, что они выражают сложный комплекс прагматических значений. Обращают на себя внимание употребления, близкие к перформативным, когда ментальное состояние адресата речи контролируется говорящим и посредством данного речевого акта говорящий достигает изменения в ментальной сфере адресата: Пойми, что р; Вспомни, что р; Знай, что р [4].

К прямым относятся слова, обозначающие чувства (сожалеть, возмущаться), эмоциональную оценку события (забавно, трагично, странно), акты сознания (сознавать, забывать, принимать во внимание) и т. п. Но все такие предикаты включают компонент «знание», так как чувство всегда возникает не просто в результате, некоторого события, а в результате определенного знания о событии, являющемся для субъекта желательным или нежелательным: сожаление есть чувство, вызванное знанием о том, что произошло нечто нежелательное (в отличие от радости и т. п.). Кроме того, человек «видит» не только зримое, но и чувственно невоспринимаемое: абстрактные объекты – душу, суть вещей и суть дела и даже «путаницу собственных мыслей»; признаки предметов – можно видеть в ком-то друга, врага, хорошего (плохого) человека. Можно, наконец, видеть в чем-либо смысл (значение, достижение, успех и пр.). В свою очередь все наши ощущения, восприятия служат основой для формирования мнений, суждений.

Теоретически имеются два основания для вынесения в коммуникативный фокус вопроса об истинности содержания высказывания и, так сказать, «настаивания» на том, что оно истинно: 1) говорящий считает, что адресат не уверен в правильности того, что думает; 2) говорящий считает, что адресат не уверен в искренности, правдивости его, говорящего. На практике, однако, делающий утверждение исходит обычно только из основания (1). Говорящий легко допускает, что адресат может сомневаться в правильности, достоверности высказывания, поскольку это может быть связано с некомпетентностью собеседника или недостаточного умственного уровня адресата, но совершенно не склонен заранее считать, что адресат ему доверяет.

Понимание высказываний как прямых или интенциональных обеспечивает сама коммуникативная ситуация вместе с семантикой пропозиций.

Таким образом, происходит взаимодействие разных психических компонентов, которые проявляют себя в том, что предложения «нерационального» значения могут приобретать смысловые черты предложений мнения.

Список литературы

- 1. Гловинская, М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия / М. Я. Гловинская // Логический анализ языка. Ментальные действия. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова – М.: Наука, 1993. – С.45-66 - ISBN 502011104X : 350.00.*
- 2. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. Ан СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1981- № 4.- С.2-7.*
- 3. Гуревич, В. В. Модальность, истинностное значение, референция / В.В. Гуревич // «Вопросы языкознания». – 1989- № 6.-С.95-101.*
- 4. Булыгина, Т. В., Шмелева, А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелева // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов:Сб.ст. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов:Сб.ст. / отв. ред.. Н. Д. Арутюнова.- М.: Наука, 1989. – Вып.2. - С.31-54.*